

Мир итальянской оперы

Тито Гобби

ГЛАВА 5. ДВА ФИГАРО ("Свадьба Фигаро")

Начиная разговор о втором шедевре, связанном с именем Фигаро, по времени я отступаю назад, если иметь в виду последовательность создания этих музыкальных произведений. Но я решил писать о них именно в таком порядке, потому что события «Свадьбы Фигаро» происходят позже, чем действие «Севильского цирюльника» Россини. Кроме того — хотя я вовсе не утверждаю, что второй аргумент по значимости хоть как-то сравним с первым, — так получилось, что с этими двумя великими творениями я знакомился именно в таком порядке. Оба автора, разумеется, были вдохновлены «Севильским цирюльником» Бомарше, пьеса эта появилась в 1775 году. Несколько менее значительных композиторов тоже брали за основу своих опер это произведение. Из них стоит упомянуть, пожалуй, лишь «Севильского цирюльника» Джованни Паизиелло, созданного в 1782 году и вплоть до постановки в 1816 году одноименной оперы Россини занимавшего весьма заметное место в итальянском оперном репертуаре. Но, как я уже говорил, еще до Россини, в 1786 году, Моцарт сочинил «Свадьбу Фигаро».

Превосходное либретто написал к ней Лоренцо Да Понте — аббат, искатель приключений, издатель и импресарио, он имел право гордиться своим влиянием на Моцарта. «Я всегда с удовольствием и радостью вспоминаю, — говорил он, — что это моему упорству и настойчивости Европа, да и весь мир обязаны тем, что могут наслаждаться всеми совершенными оперными творениями этого изумительного гения».

Пришло время, когда мне стало любопытно вместо молодого Фигаро попробовать сыграть его же, но уже более зрелого, язвительного и куда менее счастливого. Меня привлекала идея проследить, как с течением лет изменился его характер. Но, по правде говоря, этот второй Фигаро показался мне грубее и тяжеловеснее. Он так сосредоточен на том, чтобы урвать на будущее кусок побольше, что его природное изящество тускнеет. Ум его, сердце, душа потеряли свою непосредственность, и я решил отказаться от него. Мне не хотелось быть свидетелем того, как дряхлеет Фигаро Россини, и меня стал все больше и больше занимать граф Альмавива — утонченный господин, который хочет быть полновластным хозяином в своем замке.

Очень сложный человек. Соблазнитель, быть может, не всегда удачливый, но всегда желающий диктовать условия, к тому же ревнивец. Он довольно легко попадает в ловушки, которые ему подстраивают, но тем не менее все время помнит о своем родовом достоинстве, а потому его реакции и манеры безошибочно выверены.

Играя этого красивого, надменного господина, я, признаюсь, иногда в глубине души забавлялся: не без доли злорадства наблюдал, как мои партнеры старались, чтобы Фигаро выглядел выразителем отжившей эпохи еще более, чем мой герой. По моему мнению, если вы хотите почувствовать подлинный стиль XVIII века, то следите за графом и графиней. А коли так, то Фигаро остается, причем на протяжении всего спектакля, на втором плане. Граф и графиня — вот истинные протагонисты комедии.

Мое решение отказаться от Фигаро ради графа подстегнула случайная опечатка. Предполагалось сначала, что Фигаро буду петь я, а графа — Итало Тахо. Но вот повсюду расклеены афиши, и напечатано в них как раз обратное! Тут-то мы с Итало

сразу же, и не без удовольствия, обменялись ролями. Нам, конечно, пришлось работать как одержимым, но мы чувствовали себя гораздо приятнее в шкуре друг друга. Еще один человек, у которого буквально от сердца отлегло, был импресарио — он просто места себе не находил из-за этой ошибки, пока не выяснил, что мы в высшей степени довольны переменной декораций.

Так я стал графом. И оставался им до конца своей карьеры.

Композиция «Свадьбы» не так стройна, как это принято в опере, да и не так уж тесно связана с комедией Бомарше. Это просто особый мир, мир в себе. Но стоит только прикоснуться к блестящему замыслу Моцарта, и вы погружаетесь в него с головой, этот мир в ту же минуту вас очаровывает. Действие оперы начинается в канун свадьбы Фигаро и Сюзанны. Она любит новую шляпку, а он обмеряет комнату, в которой они собираются жить. (Кстати, характерная ремарка: ему положено делать это на коленях, а один прославленный певец отказался появиться на сцене в такой лакейской позе!)

Стиль дуэта Фигаро и Сюзанны — чисто разговорный, поэтому необходимо оттенить голосом соответствующие нюансы: тут нужны тон, манера, рассеянные интонации людей, которые говорят об одном, а думают в то же время совсем о другом. Внезапно перед ними возникает некая проблема, и дело даже доходит до небольшой размолвки: «Как только графиня тебя ночью кликнет...». Иначе говоря, их комната должна быть обустроена так, чтобы графине удобно было позвать Сюзанну. Но, предположим, Фигаро отошлет с поручением и Сюзанна останется одна. Как далеко может зайти граф, воспользовавшись этой ситуацией?

Они обмениваются по этому поводу несколькими колкостями, и сразу становится ясно, что Сюзанна за словом в карман не полезет, а Фигаро только дай повод приревновать. Действительно, как только девушка убегает (хозяйке что-то понадобилось), Фигаро дает волю чувствам в блестящей язвительной каватине «Если захочет барин попрыгать...». Она начинается неотразимым вальсовым ритмом, но потом выливается в некий вызов графу и его амурным притязаниям, все больше и больше нарастает гнев будущего мужа, ревнивого не без причины.

Комната, предназначенная для будущей четы, становится для всех персонажей оперы местом встреч, приходов и уходов, свиданий и расставаний, — нет этому конца.

Первым входит Дон Бартоло, бормоча проклятия по адресу Фигаро: он не забыл, что был им когда-то одурачен. В его «Вендетте» звучит страстное желание отомстить за обиду каким угодно способом.

Потом появляется старая злыдня Марселина — у нее свои, романические притязания на молодого, привлекательного Фигаро. Они с Сюзанной обмениваются язвительными репликами; внешне все очень прилично, они безумно предупредительны друг к другу, но в словах переливается смертельный яд.

Следующий — Керубино, паж, он умирает от любви ко всякой знакомой женщине. Охваченный страстью к Сюзанне, Барбарине (дочери садовника), даже к самой графине, он готов петь о своих чувствах каждому, кто только станет его слушать. А может и не слушать! В одной из прелестнейших и самых популярных мелодий оперы: «Объяснить, рассказать не могу я» — весь характер этого милого неоперившегося юнца.

Сюзанна дразнит Керубино, позволяет ему немножко за собой поухаживать, но тут приходит граф, надеясь застать хорошенькую горничную в одиночестве. Она едва успевает спрятать Керубино в большом кресле, накинув на него простыню, — ситуация тем самым невольно начинает напоминать французский фарс. Ускользая от ухаживаний графа, она норовит увести его подальше от рокового кресла. В комнату проскальзывает Дон Базилио, и граф укрывается все за тем же креслом. Сюзанне даже приходится упасть в обморок на минутку: граф чуть было не сел на спрятанного пажа.

В конце концов все, понятное дело, обнаруживается, и изумленный и разгневанный граф повелевает, чтобы Керубино отправлялся в полк и с ним — на войну. Граф едва не оказался смешон, ему нелегко сохранять любезность, принимая стайку местных красоток — их привел Фигаро, — которые, окружив своего господина, благодарят графа за снисходительность к его слугам.

Граф, видимо, вообще-то подумывал об отмене "права сеньора" (своего феодального права отведать утехы брачной ночи прежде мужа). Фигаро, без сомнения имея в виду свою Сюзанну, подталкивает его на решительный шаг. Графа только что провозгласили лучшим из господ, и он не может тут же запятнать этот громкий титул. Он выходит, полный высокомерного презрения, и хотя по-прежнему держится с достоинством, но в душе по отношению к Фигаро лелеет отнюдь не дружеские чувства. Да, как они переменились друг к другу в сравнении с «Цирюльником» Россини!

Первое действие, словно под фанфары, кончается бурлескным военным маршем, на мотив которого Фигаро поет шутивное напутствие Керубино, которому ныне суждено стать солдатом: «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный». Тут, пожалуй, стоит остановиться и предупредить: в этой опере есть немало прелестных арий, но, хотя и трудно устоять перед искушением, они не предназначены для новичков. Эта простота, незамысловатость мелодий обманчива, тут требуется технически совершенный, поистине безукоризненный голос — надо уметь правильно подать звук, выбрав верный диапазон, постоянно держа дыхание. Недостаточно глубокое звучание, отсутствие модуляций, звуковых переходов — все это пропасти, готовые поглотить неопытного певца. Поверьте, это очень и очень трудно — хорошо петь Моцарта!

Действие второе: графиня одна. Это уже не жизнерадостная, блестящая Розина «Севильского цирюльника». Грустная, покинутая, она в одиночестве поет арию «Бог любви, сжался и внемли», и в ней — преддверие еще более скорбной, полной светлых воспоминаний арии «Ах, куда же ты закатилось...» из третьего акта. Когда Розина на людях, она следит за собой и не забывает о том положении, которое занимает в обществе графиня Альмавива. Лишь со своей служанкой Сюзанной, да и то как бы нехотя, она бывает более или менее откровенной, ведь именно от Сюзанны она знает, что граф ищет любовных утех на стороне.

Чтобы развлечь хозяйку, Сюзанна приводит к ней Керубино и, взяв гитару, нежно аккомпанирует ему, в то время как он поет очаровательное «Сердце волнует». От милостей графини у него голова идет кругом, и краснеющий паж даже не очень-то обращает внимание на подтрунивания Сюзанны. Немного приятного для всех флирта, и Сюзанна устраивает веселую кутерьму, переодевая пажа в женское платье: «Колени преклоните вы». Веселье в самом разгаре, но тут снаружи раздается голос ревнивого графа: дверь заперта, и он настойчиво требует, чтобы его впустили.

Графиня в крайнем замешательстве: быть застигнутой наедине с Керубино, да при том, что тот в женском наряде! Она пытается потянуть время. Керубино прячется в будуаре. Сюзанна скрывается за ширмой. Графиня наконец открывает дверь и выпускает супруга, полного подозрений.

Следует оживленное и яростное препирательство: граф требует, чтобы она отперла дверь в будуар, графиня клянется, что потеряла ключ. Схватив ее за руку, он буквально тащит ее за собой из комнаты, уверяя, что отыщет, чем сломать замок.

Стоило им уйти, как Сюзанна выскальзывает из-за ширмы и выпускает Керубино. Тот уже переоделся в свое платье и теперь выпрыгивает из окна, разбив внизу пару стекол. Едва Сюзанна успевает запереться в будуаре, возвращаются граф и графиня.

Несмотря на все уверения в своей невинности (хотя она и сознает, что вела себя не вполне подобающе), графине не удается унять супруга, и, сорвав замок, тот вламывается в будуар. И вот, к великому изумлению графа, да и графини, навстречу им выходит Сюзанна, скромная и невинная, как котенок, полакомившийся сливками. Графиня переводит дух (хотя так и не понимает, как все столь счастливо для нее обошлось) и с видом оскорбленной добродетели выслушивает от мужа униженные просьбы о прощении. Появляется Фигаро, цветущий, как фиалка; ему надо условиться с графом насчет свадьбы.

Но, прежде чем они успевают о чем-нибудь договориться, приходит старый брюзга-садовник Антонио. Он жалуется, что какой-то молодчик выпрыгнул только что из окна и побил стекла в его теплицах. У графа вновь просыпаются подозрения, и тут следует чуть ли не лучший из всех когда-либо написанных оперных ансамблей: всяк пытается на свой манер объяснить случившееся.

Каждый персонаж выражает свои мысли и чувства особым, отличным от других способом, но все партии волшебным образом переплетаются между собой, и на этой вершинной точке заканчивается второй акт.

Граф вконец запутался и не знает, как выбраться из этой неразберихи. Он продолжает свои любовные похождения, но делает это все с большей оглядкой, а потому выглядит смешным. Всякий раз, когда он предпринимает какой-нибудь новый маневр, прежде всего его заботит одно: чтобы Розина не застала его на месте преступления, ведь, несмотря на мимолетные эскапады, он по-прежнему горячо любит ее.

Ему удастся ненадолго свидеться с Сюзанной. На мгновение графу кажется, что она стала податливее, но затем он подслушивает разговор Сюзанны и Фигаро, из которого явствует, что те заодно против него, и приятные иллюзии рассеиваются. Против его арии «От зависти сгорая...» стоит помета *allegro assai*, однако здесь ни в коем случае нельзя жертвовать величавостью пения. К сожалению, такое случается нередко. Певец начинает гнать, глотать слова, и в мыслях, манере поведения графа пропадает всякая выразительность.

Далее следует перебранка Марселины и Бартоло, по ходу которой обнаруживается, что Фигаро не кто иной, как их собственный сын. Вновь бездна недоумений, удивления, всеобщего замешательства, и все это вмещает в себя и проясняет красивейший секстет, в котором каждый по-своему комментирует эту необычайную и комичную новость.

Тем временем графиня опять скорбит в одиночестве, звучит прелестная ария «Ах, куда...», которая на мгновение вызывает в ней сладкую грусть и напоминает о былом счастье. Но вновь появляется Сюзанна, и на смену меланхолии приходит более веселое расположение духа. Изобретательная служанка и графиня решают вызвать графа на любовное свидание и в состряпанной вдвоем записке — «Жду, лишь только ветерочек...» — назначают место встречи: в роще, где нежный ветерок колышет верхушки сосен. Сюзанна под диктовку графини пишет записку, и, пока певицы перебрасываются репликами, оркестр ведет волнообразную мелодию, мечтательную и поэтичную, вы будто слышите, как колышутся сосны. Еще один изумительный фрагмент изумительной оперы.

Графиня и Сюзанна договариваются, что, если граф клюнет на их приманку и согласится на свидание, Сюзанна придет на условленное место, переодевшись госпожой.

К еще большему смущению графа, дочка садовника Барбарина — вот уж поистине: что можно от такой ожидать! — обронила между прочим, что граф ее целовал и много чего наобещал. Короче говоря, графу, дабы сохранить свое достоинство, приходится отбиваться от нападков со всех сторон — прямо-таки домашний бунт!

Но он все-таки хозяин в доме, и, по обычаю, его и графиню просят благословить две супружеские пары: Марселина, хоть с некоторым опозданием, сочетается законным браком с Бартоло, а рядом с ними — счастливые Сюзанна и Фигаро. Во время небольшого шествия, живость которому придает прелестная мелодия в испанском духе, Сюзанна ухитряется сунуть графу пресловутую записку. Она скреплена булавкой: ее надо вернуть в знак того, что приглашение принято. Граф, разумеется, роняет булавку, уколов ею руку.

Фигаро, видя в руках хозяина записку, веселится: небось опять от какой-нибудь потаскушки! Но рановато наш герой начал смеяться, скоро он и сам окажется в глупейшем положении.

В конце маленького торжества граф, прежде чем удалиться, объявляет, что вечером состоится большое празднество — с танцами и фейерверком. Ему, конечно, не терпится отплатить тем, кто вынудил его делать вовсе не то, чего он желал сам. Но граф по-прежнему величествен и по-отечески снисходителен, лишь на губах застыла едкая, полупрезрительная усмешка. Но при этом он настолько недогадлив, что вручает булавку, залог любви, Барбарине. Та в свою очередь тут же ее теряет и жалобно поет небольшую каватину «Уронила, потеряла». На Барбарину натывается Фигаро, пытается ее утешить, но тут его как гром поражает открытие, что записку графу на самом деле послала его новоиспеченная супруга. Горькое разочарование звучит в его арии «Мужья, раскройте очи», он гневно обвиняет всех женщин в двуличии и убегает со сцены. Однако Фигаро опять поторопился с выводами: вслед за ним появляется Сюзанна, и в ее очаровательной арии «Приди, мой милый друг» слышен зов неподдельной любви.

На тропинках сада, среди фонтанов и душистых куртин, в полной темноте потихоньку разрешается вся эта неразбериха сложно закрученной интриги. Путаница персонажей, бесчисленные оплеухи, поцелуи, объяснения и извинения следуют непрерывной чередой, с тем чтобы в конце концов разоблачить графа и его амурные похождения. Он смущен, но не унижен. Изячно преклонив колена, он трогательно, в самых красивых выражениях принародно кается и просит прощения у своей Розины.

Пропитанный всеобщим весельем, в высшей мере жизнерадостный и шутливый финал — «После многих треволнений» — венчает оперу.

Эту забавную и запутанную комедию Лоренцо Да Понте нельзя читать торопливо: вряд ли что-нибудь поймешь. Вот почему спешка, характерная для некоторых постановок, где речитативам уделено недостаточно времени, а об отчетливости дикции исполнители и не помышляют, может вызвать только огорчение. Комедия не заслужила такого обращения, сумятица ей не пристала. Ведь в «Цирюльнике» все характеры очерчены очень тонко, здесь достигнута необычайная гармония слов и божественной музыки, богатство выразительных средств и глубина человеческих чувств сливаются в единстве, редком даже в самом замечательном творении искусства.

Роль графа Альмавивы, то уверенного в себе, то сбитого с толку, я всегда очень любил. Из всех постановок, где мне довелось участвовать, я с особой теплотой вспоминаю спектакль в «Ковент-Гарден» — там был изумительный состав исполнителей, а дирижировал спектаклем сэр Джордж Шолти.

Фигаро пел сэр Герайнт Эванс, с ним мне было очень приятно работать. Как и в «Дон Жуане», мы прекрасно подходили друг другу: нас объединяло и взаимопонимание, и какая-то общая радость от участия в спектакле, который был почти безупречен.

Сюзанна — Мирелла Френи отчаянно кокетничала со мною, графом, и при этом беззастенчиво водила меня за нос, дрянная девчонка! Илва Лигабуэ пела партию графини, и голос ее, и она сама были прекрасны. Ну а Керубино исполняла эта маленькая плутовка Тереса Берганца; она корчила мне рожицы, спрятавшись в кресле, и так бесстыже увивалась вокруг графини, что Илва едва могла сдержать улыбку.

Среди тех, кто пел остальные партии, помню блиставшего в роли Бартоло Майкла Лэнгдона. Всякий раз, когда мы встречаемся с ним на уроках мастерства в Оперной студии, я всегда напоминаю ему о тех временах. Милые сердцу друзья — их не забудешь! Милые сердцу воспоминания — они не покидают тебя до конца жизни!